

Модестов В.И.

Лекция 3. Древнейшие памятники письменности в Риме

[Stable URL: <http://elar.uni Yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1246>]

[Публикация работы:]

Модестов В.И. 1873: Лекция 3. Древнейшие памятники письменности в Риме //

Лекции по истории римской литературы, читанные в университете Св. Владимира. Курс первый. От начала римской литературы до эпохи Августа. Киев, 29-42.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
JAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Л Е К Ц І Я 3-я.

—

Древнѣйшіе памятники письменности въ Римѣ.

Содержаніе лекціи: Письменность въ періодъ царей. Царскіе заѣоны. Союзныя договоры царей. Письменность духовныхъ коллегій. Книги разныхъ наименованій, принадлежавшія понтификамъ. Книги Авгуровъ, Салиевъ и Братьевъ Арвальскихъ.

~ ~ ~

Если вы согласились со мной въ томъ, что письмо появилось въ Лаціумѣ въ весьма отдаленную эпоху, то вамъ уже не трудно убѣдиться въ существованіи у Римлянъ тѣхъ памятникочъ древнѣйшей письменности, о которыхъ такъ много говорятъ древніе писатели и слѣды которыхъ я розыскивалъ въ извѣстной вамъ моей книгѣ.

Памятники римской письменности, относящіеся къ періоду царей, чисто официальнаго характера. Въ эту отдаленную пору римскаго государства письменность и не могла имѣть другаго употребленія, какъ для актовъ государственной и церковной дѣятельности. Литературной жизни въ нашемъ смыслѣ не было даже и въ зародышѣ. Общественной жизни съ ея особыми умственными и нравственными требованіями тоже не было: общественная дѣятельность всецѣло поглощалась государствомъ, а умственные и нравственные интересы находили себѣ полное выраженіе въ религіи. Поэтическое настроеніе отдѣльныхъ лицъ въ кругу жизни семейной выражалось пѣсней, которая не требовала для себя другаго выраженія, кромѣ простаго голоса, какого-нибудь безыскусственнаго инструмента и пляски. Народныя преданія передавались изъ устъ въ уста, и никому не приходило въ голову ихъ записывать. А когда проявилась потребность въ увѣковѣченіи народныхъ дѣяній, важ-

ныхъ происшествій въ народной жизни и поразительныхъ явленій природы, то прежде всего это было дѣломъ государства, которое поручило записъ важнѣйшихъ дѣяній и событій, подъ своимъ контролемъ, лицу, облеченному въ высокое церковное званіе, великому жрецу, обладавшему преимущественно передъ другими тайной письма и церковной науки. Семейныя хроники знатныхъ людей появились уже въ періодъ исключительнаго господства патриціевъ, которое относится къ республиканскому времени. Такимъ образомъ въ первый періодъ государственнаго существованія Рима, въ періодъ царей, мы видимъ письмо ограниченнымъ самими необходимыми требованіями государства и религіи, видимъ его лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ оно неизбѣжно въ правильной государственной и церковной организаціи.

Къ памятникамъ письменности въ періодъ царей относится:

1) Царскіе законы (*leges regiae*) ¹⁾. До насъ дошло въ болѣе или менѣе подновленной редакціи девять царскихъ законовъ, изъ которыхъ два приписываются древними писателями Ромулу, шесть—Нумѣ Помпилю и одинъ—Сервію Туллію. Почти всѣ они сохранились въ лексиконѣ *Феста*, соавратора труда ученаго грамматика времени Августа и Тиберія, *Веррія Флакка*. Только два изъ этихъ законовъ читаются у другихъ писателей: одинъ у *Плинія Старшаго* а другой у *Сервія*, извѣстнаго комментатора *Виргилія*. Какимъ образомъ эти законы дошли до указанныхъ писателей, это—вопросъ весьма интересный. Замѣчательный юристъ 2-го вѣка нашего лѣтосчисленія, изъ сочиненій котораго многое вошло въ *Дигесты*, *Секстъ Помпоній*, говоря о царскихъ законахъ (*Dig. de orig. jur. II, 2*), замѣчаетъ, что они собраны въ книгѣ *Секста Папірія*, современника *Тарквинія Гордаго*. Этотъ сборникъ, какъ видно изъ словъ *Помпонія* (*conscriptae exstant t. e. leges*), существовалъ еще въ его время и носилъ заглавіе: *Jus civile Papirianum*. Что этотъ сборникъ *Папірія* былъ важной книгой и цѣнился учеными, это видно уже изъ того, что ученый изслѣдователь римскихъ древностей, современникъ *Ю. Кесаря*, *Граній Флаккъ*, посвятилъ этому сборнику ученое изслѣдованіе «*de jure Papiriano*» (*Dig. I, 144*). Слѣдовательно, источникъ, изъ котораго приводятся царскіе законы выше-

¹⁾ Изслѣдованію вопроса о царскихъ законахъ и договорахъ посвящена 2-я глава книги: «Римская письменность въ періодъ царей». Тамъ же читатель найдетъ и текстъ сохранившихся царскихъ законовъ.

указанными писателями, заключался для нихъ, или въ самомъ сборникѣ Папірія, или же, что вѣроятнѣе, въ изслѣдованіи Гранія Флакка, какъ можно судить по обновленному языку этихъ законовъ. Цицеронъ (De гер. II, 14), говоря о законахъ Нумы, ссылается неопредѣленно на *памятники* (monumenta), гдѣ эти законы написаны и читаются (in monumentis habemus). Что это за памятники, мы не знаемъ. Можетъ быть это сохранившіяся до его времени мѣдныя таблицы или колонны, на которыхъ начертаны были эти законы, а можетъ быть и Цицеронъ имѣетъ въ виду тотъ же самый сборникъ Папірія, на который ссылается и Помпоній. Во всякомъ случаѣ мы знаемъ, что былъ источникъ, въ которомъ эти законы были собраны и который былъ хорошо извѣстенъ писателямъ конца республики и времени имперіи, сборникъ Папірія. Этотъ Папірій, по Помпонію, *Секстъ*, а по Діонисію (A. R. III, 36), *Гай*, былъ, какъ говорятъ эти писатели, современникъ Тарквинія Гордаго, изгнанія царей и занималъ въ началѣ республики должность первосвященника.

Подлинность Папіріева сборника обыкновенно опровергается новыми изслѣдователями. Однако, не смотря на укоренившуюся между учеными достойную сожалѣнія привычку считать не подлиннымъ все то что относится къ древнѣйшей римской исторіи, никто изъ этихъ ученыхъ не представилъ до сихъ поръ противъ подлинности Папіріева сборника никакихъ сильныхъ доказательствъ, если не считать таковыми разглагольствованіе о множественности времени царей и ихъ именъ, о неупотребительности въ это время письма, о невозможности дойти до конца республики документу такой древности и т. п. Но единогласное свидѣтельство древнихъ писателей о существованіи этого сборника, какъ древнѣйшаго, въ послѣднее время республики, разборъ его юристами и антикваріями, какъ Помпоній и Граній Флаккъ, а главное—самый духъ законовъ, въ немъ находившихся и переданныхъ частію и намъ древними писателями, (при томъ въ ихъ законодательной формѣ)—все это такъ много говоритъ въ пользу глубокой древности Папіріева сборника, что даже самъ *Нибуръ* не видѣлъ возможности отнести къ нему иначе, какъ съ полнымъ признаніемъ глубокой древности его происхожденія. Нибуръ говоритъ: «Сомнѣваться въ глубокой древности сборника царскихъ законовъ, составленнаго нѣкимъ Папіріемъ, нѣтъ никакого основанія» (R. G. p. 141 берлинскаго изданія 1853 г.). Но какъ ни велики основанія для признанія древнѣйшаго происхожденія

сборника Папірія, все-таки вопросъ о происхожденіи его отъ первыхъ лѣтъ республики не можемъ считать рѣшеннымъ дѣломъ въ виду нѣкоторыхъ противорѣчій древнихъ писателей о личности самаго Папірія.

Кромѣ сборника Папірія, сохранившаго до позднѣйшаго времени царскіе законы, были у писателей республики и имперіи особые сборники, подъ названіемъ *Commentarii legum*. Эти *Commentarii* суть ничто иное, какъ сборники законовъ и распоряженій отдѣльныхъ царей. Собственно древнѣйшими писателями упоминаются лишь *Commentarii Нумы*, какъ особый сборникъ религіозныхъ постановленій, о которомъ, какъ составленномъ еще въ царскій періодъ, говорятъ Ливій (I, 32), Діонисій (III, 36) и Плутархъ (Marcell. 8). Эти комментаріи Нумы въ другихъ случаяхъ называются просто *книгами* Нумы. Такъ ихъ называетъ Плиній Старшій (N. H., XXVIII, 4) и въ одномъ мѣстѣ Ливій (XL, 29). Собственно же, слово *commentarii*, равносильное греческому *ὑπομνήματα*, означаетъ, по нашему, воспоминанія, записки, мемуары. Извѣстно, что основателемъ римской церкви былъ Нума; извѣстно также и то, что онъ оставилъ законы, которые обнимали всю догматическую и внѣшнюю, церемоніальную часть культа. Поэтому въ средѣ римскаго духовенства должны были храниться книги, въ которыхъ излагались правила римскаго богослуженія, положенныя Нумой. Эти-то книги и называютъ *Commentarii* Нумы. Были ли они подлинныя, или подложныя, мы не знаемъ; но вѣрно то, что онѣ существовали и были извѣстны любителямъ древности (Cic. pro Rab. V, 15). Но кромѣ Комментарій Нумы существовали *Комментаріи Сервія Туллія*, главнаго основателя всего гражданскаго порядка въ Римѣ. Что законодательство Сервія Туллія существовало на письмѣ въ позднѣйшее время, это видно не только изъ того, что оно было въ подробности извѣстно Цицерону (De ger. II, 22), Ливію (I, 43), Діонисію Галикарнасскому (IV, 11 слѣд.), но и изъ толкованій выраженій этого законодательства, какія мы находимъ въ словарѣ Феста. Къ тому же словарь этотъ, объясняя выраженія законодательства Сервія Туллія, прямо цитуетъ въ одномъ случаѣ »*Descriptio centuriarum*« (Fest. *Pro censu*), а въ другомъ »*Descriptio classium*« (Fest. *Prosum*), т. е. то законоположенія, которыми произведено раздѣленіе гражданъ на классы и центуріи. Такимъ образомъ, независимо отъ сборника Папірія, царскіе законы по крайней мѣрѣ Нумы и Сервія Туллія обращались въ публикѣ еще въ другихъ сборникахъ, называвшихся *Царскими записками* (*Commentarii regum*). Но въ какой редакціи чита-

лись писателями конца республики эти *Царскія записки* намъ совсѣмъ не извѣстно. Думать что эти сборники вышли изъ ~~каком-либо~~ весьма древней редакціи, а тѣмъ болѣе, что они исходятъ изъ ~~царскаго~~ періода, мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ основаній, кромѣ общаго довѣрія къ ихъ подлинности, какое въ нимъ имѣли писатели конца республики.

Самый вѣрный путь, какимъ могли дойти до позднѣйшаго времени нѣкоторые царскіе законы, есть тотъ, что они могли сохраниться въ качествѣ надписей на мѣдныхъ таблицахъ и колоннахъ. Мы знаемъ, что этимъ путемъ дошелъ до времени имперіи союзный договоръ Сервія Туллія съ латинянами (Dion. IV, 26); такимъ-же способомъ долго сохранялись договоры Рима съ Карфагеномъ (Polyb. III, 26), союзный договоръ (261 г.) Спурия Кассія съ латинянами (Liv. II, 33; Cic. pro Balb. 23), законъ Ицилія (262 г.) о власти трибуновъ (Dion. X, 32). На мѣди же были вырѣзаны и законы XII таблицъ (Liv. III, 57; Dion. X, 57). Такимъ образомъ по крайней мѣрѣ нѣкоторые царскіе законы на ряду съ другими памятниками древнѣйшей письменности могли дойти въ видѣ надписей на мѣди или бронзѣ до позднѣйшаго времени римской исторіи. Намъ даже достовѣрно извѣстно, что нѣкоторые законы пережили галльское разореніе и были, по изгнаніи Галловъ, снова выставлены на общественномъ мѣстѣ (Liv. VI, 1). Нельзя однако думать, что писатели, которые приводятъ намъ дословно нѣкоторые изъ царскихъ законовъ, списывали ихъ съ сохранившихся мѣдныхъ таблицъ или колоннъ. Языкъ этихъ законовъ, какимъ намъ писатели приводятъ ихъ, не заключаетъ въ себѣ и слѣдовъ языка времени царей, насколько объ этомъ мы можемъ судить по древнѣйшимъ религіознымъ гимнамъ и по свидѣтельству Полибія о томъ, что въ его время лишь самые свѣдущіе люди могли понимать языкъ союзныхъ договоровъ Рима съ Карфагеномъ (Polyb. III, 22). Писатели конца республики и времени имперіи брали эти законы, какъ я уже замѣчалъ, всего вѣроятнѣе изъ книги Грания Флакка, толковавшей о сборникѣ Папірія.

Сохранившіеся законы приведены въ моей книгѣ; но я считаю нужнымъ привести вамъ, хоть ради образца, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ. Такъ, Ромулу принадлежитъ законъ, опредѣляющій отношенія патрона къ кліенту слѣдующимъ образомъ: Patronus si clienti fraudem fecerit, sacer esto. По этому закону посвящается подземнымъ богамъ всякій патронъ, измѣнившій своимъ обязанностямъ покрови-

таинства влѣнту, которыя у Римлянъ имѣли до того обязательную силу, что нарушение ихъ наказывалось, какъ тяжкое преступленіе противъ религіи. Другой законъ Ромула, касающійся отношеній близкихъ родственниковъ, сохранился въ такомъ обрубленномъ видѣ, что смыслъ его остается потеряннымъ. Законы Нумы касаются, согласно съ характеромъ этого царя, религіозныхъ отпращиваній. Одинъ изъ нихъ запрещаетъ наложницъ касаться жертвенника Юноны, а еслибы это случилось, то повелѣваетъ, распустивши волосы, принести въ очистительную жертву богинѣ овцу: *Pellex agram Junonis ne tangito; si tanget, Junoni crinibus demissis agnum feminam caedito*. Одинъ изъ законовъ Нумы за умышленное убійство свободнаго человѣка полагаетъ наказаніе какъ за убійство отца или самаго близкаго родственника: *Si qui hominem liberum dolo sciens morti duit, parricidas esto*. Отъ законодательства Сервія Туллія остался лишь одинъ законъ, подвергающій смертной казни по религіозному обычаю сына, нанесшаго побои отцу, въ случаѣ, если этотъ послѣдній закричитъ при этихъ побояхъ: *Si parentem puer verberit, ast ille plorassit (clamavit), puer divis parentum sacer esto*.

2) Кромѣ царскихъ законовъ извѣстны были позднѣйшимъ римскимъ писателямъ *союзные договоры царей* (*fœderis regum*): Два изъ этихъ договоровъ были хорошо извѣстны *Діонисію Галикарнасскому*, который видѣлъ ихъ своими глазами. Таковъ былъ, во-первыхъ, договоръ Сервія Туллія съ латинскими городами, касавшійся построенія на общія деньги латинскихъ городовъ храма Діаны на Авентинѣ. Статьи этого договора были вырѣзаны на мѣдной колоннѣ, которая съ находившейся на ней надписью была цѣла еще во времена Діонисія Галикарнаскаго. О характерѣ письма этого договора Діонисій замѣчаетъ, что формы буквъ его напоминаютъ древнѣйшія греческія ¹⁾. Свидѣтельство Діонисія объ этомъ союзномъ договорѣ имѣетъ особенную важность для насъ въ томъ отношеніи, что оно служитъ *непреложнымъ*

¹⁾ Это мѣсто Діонисія (A. R. IV, 26) такъ важно, что я не могу не привести здѣсь самаго текста: *Αὐτῇ διέμεινεν ἡ στήλη μέχρι τῆς ἐμῆς ἡλικίας ἐν τῇ τῆς Ἀρτέμιδος ἱερῇ καὶ μέντι γραμμάτων ἔχουσα χαρακτῆρας ἑλληνικῶν, οἷς τὸ παλαιὸν ἡ Ἑλλάς ἐχρᾶτο*. Діонисія поразило сходство древняго латинскаго письма съ древнимъ греческимъ также точно, какъ насъ поражаетъ необыкновенное сходство сохранившагося древнѣйшаго славянскаго письма (11-го столѣтія) съ письмомъ греческихъ рукописей 9-го столѣтія. (См. *Палеографическія снимки* (Specimina palaeographica) Епископа *Саввы Можайскаго*. Москва, 1863). Ясное дѣло, что чѣмъ ближе письмо по времени къ своему источнику, тѣмъ больше должно имѣть и сходства съ нимъ.

доказательствомъ чрезвычайно ранняго употребленія письма не только въ Римѣ, но и во всемъ Лаціумѣ. Судьба, повидимому, сохранила намъ изъ этого древнѣйшаго памятника латинскаго письма одно слово; именно въ лексиконѣ Феста подъ словомъ *Nesi* (ed. Müll. p. 165) говорится: *Nesi pro sine positum est in lege dedicationis arae Dianae Aventinae*. Второй несомнѣнный союзный договоръ царскаго періода есть договоръ Тарквинія—въ точности не извѣстно, Древняго или Гордаго—съ латинскимъ городомъ Габіями. Этотъ договоръ, точно также лично извѣстный Діонисію Галикарнасскому сохранился до его времени въ храмѣ Санга (deus Fidius) на Квиринатѣ. Діонисій говоритъ (IV, 58), что онъ былъ написанъ на бычачьей шкурѣ, въ которую былъ обернуть щить, и что буквы его носили древній характеръ (*γραφικαὶ σιν ἀρχαίων ἑλισευραμμένη*). Совершенно тоже самое говоритъ о щитѣ, обернутомъ въ бычачью кожу, на которой былъ написанъ этотъ договоръ и Павелъ Дьяконъ (Clypeum, ed. M. p. 56), сократитель Фестова лексикона, представляющаго, какъ вы знаете, въ свою очередь сокращеніе словаря Веррія Флакка. Объ этомъ же самомъ договорѣ говоритъ и Горацийъ въ извѣстномъ письмѣ къ Августу (Ер. II, 1, 25), перечисляя ему памятники древнѣйшей письменности и литературы:

foedera regum

Vel Gabiis, vel cum rigidis aequata Sabinis.

Сверхъ этихъ союзныхъ договоровъ періода царей, договоровъ, подлинность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, упоминаются Діонисіемъ еще другіе письменные договоры того же періода, какъ договоръ Ромула съ Веями и Тулла Гостилія съ Сабинянами (II, 35; III, 33). Существованіе древнѣйшаго договора съ Сабинянами подтверждается и выше приведеннымъ стихомъ Горация; но какому царю принадлежалъ этотъ договоръ — Ромулу ли, Туллу Гостилію ли, или наконецъ Тарквинію Гордому, это еще вопросъ, такъ какъ каждому изъ этихъ трехъ царей приписывается заключеніе договора съ Сабинянами. Упоминаются Діонисіемъ и Ливіемъ и другіе царскіе договоры Рима и съ другими городами; но письменное существованіе ихъ ничѣмъ не можетъ быть доказано.

Кромѣ официальной государственной письменности, въ періодъ царей возникла *духовная*, также официальная, *письменность*, — письменность, относящаяся къ религіи, къ отправленію ея обрядовъ и къ обязанностямъ, возлагавшимся религіею на различныя духовныя коллегіи,

общества или братства. Организация религиозного культа является у Римлян развитою въ самую раннюю пору. Уже при первыхъ царяхъ мы видимъ тамъ цѣлыя духовныя collegia, какъ-то: Понтификовъ (мостостроителей), Авгуровъ (птицегадателей), Салиевъ (скакуновъ), Братьевъ Арвальскихъ (земледѣля) и др., имѣющихъ каждое свое особое назначеніе въ дѣлѣ исполненія требованій римскаго культа. У каждой изъ подобныхъ collegiй была своя особая организація и свой кругъ обязанностей. Вникая въ дѣятельность этихъ духовныхъ обществъ, нельзя не замѣтить, что у нихъ, какъ это бываетъ вообще въ ранніе періоды жизни народовъ, была сосредоточена вся современная мудрость, все современное знаніе вещей божескихъ и человѣческихъ. Въ этихъ collegiяхъ хранилась тайна пониманія явленій природы и тайна постиженія божественной воли, имъ по преимуществу была раскрыта наука мѣры и числа, имъ больше всѣхъ былъ доступенъ смыслъ законовъ религиозныхъ и гражданскихъ. Преемственная передача мудрости и знанія изъ поколѣнія въ поколѣніе способствовала этому сосредоточенію науки и разума въ нѣдрахъ духовныхъ collegiй и дѣлала представителей ихъ образованнѣйшими людьми своего времени. Понятно, что въ этой средѣ прежде всего привилась грамота и нашла себѣ болѣе широкое приложение. И дѣйствительно у древнихъ писателей постоянно встрѣчаются ссылки на книги, которыя велись въ духовныхъ collegiяхъ. Хотя ссылки эти и не относятся положительно къ книгамъ древнѣйшаго времени, но нѣтъ недостатка въ данныхъ, свидѣтельствующихъ о веденіи такихъ книгъ еще въ царскій періодъ. Всего чаще писателями цитуются книги той духовной collegiи, которая рано получила первенство надъ всѣми другими и которой съ незапамятныхъ временъ было ввѣрено охраненіе чистоты религиознаго культа, collegiи мостостроителей, *понтификовъ*. Древнее преданіе, поддерживаемое Ливіемъ и Діонисіемъ, свидѣлствуетъ, что это значеніе collegiи понтификовъ относится еще ко временамъ Нумы, организатора римскаго національнаго культа. Нума, по словамъ Ливія (1, 20), вручилъ понтифику Нумѣ Марцію, сыну Марка, »письменныя наставленія, касающіяся всего богослуженія«. Къ такому отдаленному времени, относится, по преданію, письменная дѣятельность этой collegiи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и начало всей духовной письменности.

Я попрошу у васъ позволенія не входить въ подробное разсмотрѣніе вопроса о древнѣйшей духовной письменности. Интересующихся

этимъ вопросомъ я отсылаю въ своей книгѣ, гдѣ я старался свести все, что намъ даютъ древніе писатели, къ выясненію содержанія книгъ коллегіи понтификовъ¹⁾. Но мнѣ думается, что этотъ вопросъ не совершилъ еще настолько, чтобы служить предметомъ университетскихъ чтеній общаго курса; напротивъ, ему вѣроятно еще долгое время придется обращаться только въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, да и то лишь въ такомъ случаѣ, если въ наукѣ будетъ поддержанъ интересъ къ нему. Я постараюсь дать теперь вамъ лишь краткое понятіе о томъ, что были за книги, которыя велись духовными коллегіями и въ чемъ состояло ихъ содержаніе.

Главными представителями духовной письменности въ Римѣ во все времена были понтифики, въ рукахъ которыхъ было сосредоточено наблюденіе за правильнымъ отправленіемъ всего римскаго культа. Имъ принадлежали книги разныхъ названій, встрѣчаемыхъ нами у древнихъ писателей: *libri*, *commentarii*, *ednales*, *indigitamenta*, *libri sacrorum*, *libri caerimoniarum*, *libri de sacerdotibus*. Но при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла выходитъ, что римскіе писатели, ссылаясь на тѣ или другія книги, находившіяся въ заведеніи понтификовъ, не различали строго ихъ заглавій. приписывая нерѣдко напр. *Libri pontificum* то, что по всей вѣроятности, находилось въ ихъ *Commentarii*, и наоборотъ. Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что однимъ и тѣмъ-же книгамъ они приписывали разные названія; но крайней мѣрѣ трудно или даже совсѣмъ невозможно въ настоящее время опредѣлить съ точностью содержаніе и провести различіе между напр. *libri sacrorum*, *libri caerimoniarum* и *libri de sacerdotibus*. Видно лишь одно, что былъ у понтификовъ, во-первыхъ, разрядъ книгъ, относившихся къ богослуженію вообще, книгъ, обнимающихъ собой какъ правила, такъ и способы надлежащаго отправленія религіозныхъ обязанностей, т. е. книгъ, соответствующихъ нашимъ церковнымъ и богослужебнымъ книгамъ²⁾. Далѣе видно, что книги такого рода носили общее *Libri pontificum* или

¹⁾ Изслѣдованію о духовной письменности и именно о письменности понтификовъ посвящены въ моей книгѣ три главы: 3-я, 4-я и 5-я. Но въ этой послѣдней рѣчь идетъ о «Лѣтописи» понтификовъ, которая, по своему содержанію, не можетъ быть причислена къ памятникамъ духовной письменности.

²⁾ Образцы этого рода свѣщенныхъ книгъ въ древности сохранили намъ такъ называемыя *Игувинскія таблицы*, найденныя около умбрскаго города Iguvium'a (нынѣ Gubbio) въ количествѣ семи въ 1444 году. Этотъ въ вышней

Libri sacri и имѣли подраздѣленія въ родѣ *Libri caerimoniarum*, *Libri de sacerdotibus*, *Indigitamenta*. Другой разрядъ книгъ былъ извѣстенъ писателямъ подъ именемъ *Commentarii pontificum*, которые, какъ видно изъ смысловъ на нихъ древнихъ писателей, были книгами служебной дѣятельности понтификовъ и имѣли церковно-юридическій характеръ. Это были книги, въ которыхъ заключались всѣ рѣшенія засѣданій коллегіи понтификовъ, какъ по дѣламъ церкви, такъ и по дѣламъ гражданскимъ. Отъ тѣхъ и отъ другихъ книгъ рѣзко отдѣляются *Annales pontificum*, государственная лѣтопись, веденіе которой въ продолженіе шести сотъ лѣтъ было обязанностью главнаго члена коллегіи понтификовъ, называвшагося *pontifex maximus*. Современное состояніе науки позволяетъ намъ подробнѣе говорить съ одной стороны о части книгъ богослужебныхъ, называвшихся въ сочиненіяхъ римскихъ писателей *Indigitamenta* (*Indigitamenta*), а съ другой стороны объ историческихъ книгахъ понтифиновъ, называвшихся *Annales pontificum*. Но разсужденіе объ этихъ послѣднихъ по причинѣ трудности доказать неопровержимо ихъ происхожденіе въ царскій періодъ я считаю необходимымъ отложить до другаго случая. Всего болѣе приличное мѣсто разсужденію о *Лѣтописи* понтификовъ будетъ тамъ, гдѣ у насъ пойдетъ рѣчь о начаткахъ римской литературы, предшествовавшихъ греческому вліянію, такъ какъ *Annales pontificum* слѣдуетъ разсматривать не только какъ памятники письменности, но, и даже преимущественно, какъ памятники литературы, первый образчикъ историческаго искусства у Римлянъ.

Отцы церкви, а именно Августинъ, Тертуліанъ и Арнобій сохранили намъ множество именъ божествъ, относящихся къ древнѣйшему римскому культу. Божества эти находились въ книгахъ понтификовъ, которыя носили названіе *Indigitamenta*, названіе, которое Павелъ Дьяконъ поясняетъ словомъ *incantamenta*, что значитъ *заклинанія*. А такъ какъ тотъ же Павелъ Дьяконъ глаголь *indigare* объясняетъ словомъ *impresari* (молить), а Тертуліанъ (*De jejun.*, 16) употребляетъ даже выраженіе—*indigare preces*, то выходитъ, что *Indigitamenta* были книги молитвъ къ богамъ, молитвенники. Это подтверждается не только объ-

степени важный памятникъ италійской письменности писанъ письмомъ умбрскимъ и латинскимъ (двѣ послѣднія таблицы). Издаваемы были эти таблицы много разъ. Наилучшія изданія принадлежатъ *Ауфрехту* и *Киргофу* (*Umbrische Sprachdenkmäler* Berl. 1849—51); *Гушн* (*Die Iguvinischen Tafeln*. Leipz. 1859) и *Фабрети* (*Corpus inscriptionum italicarum*. Taur. 1867).

ясненіемъ *Сервія* (ad Virg. Aen. XII, 794), что *indigito* есть *precor et invoco*, но и выраженіемъ *Макробія* (Saturn. 1, 17, 15), который, говоря объ обращеніи весталокъ къ Аполлону, говоритъ, что онѣ его *ita indigitant* (такъ призываютъ): «Apollo Medice, Apollo Paean!» Эти *Индигитаменты*, или молитвенники были еще въ древности предметомъ ученыхъ изслѣдованій. Такъ, по свидѣтельству *Цензорина* (de die nat. 3), извѣстный любитель древности, *Граній Флаккъ*, написалъ спеціаль- ный трактатъ объ Индигитаментахъ и посвятилъ его Кесарю. Ими же занимался и *Варронъ* въ своемъ сочиненіи *Antiquitates rerum humanarum et divinarum*, какъ видно изъ постоянныхъ ссылокъ на него отцовъ церкви, трактующихъ о богахъ Индигитаментовъ. Боги Индигитаментовъ, имена которыхъ въ большемъ количествѣ разсѣяны у поименованныхъ отцовъ церкви, трактовались въ сочиненіи Варрона подъ именемъ *боговъ извѣстныхъ*, т. е. имѣющихъ особыя имена и опредѣ- ленный кругъ дѣятельности, *dii certi* (противоположность которымъ составляли *dii incerti*). Каждый изъ этихъ боговъ, какъ объ этомъ ясно говорить въ выше указанномъ мѣстѣ *Цензоринъ*, проявлялъ свою божественную силу лишь одинъ разъ въ жизни отдѣльнаго человѣка, каждый особый актъ которой, по ученію понтификовъ (*Сервій* ad Aen. II, 141), былъ подчиненъ особому божеству. Имена этихъ боговъ, помогающихъ человѣку въ каждомъ особомъ актѣ развитія его жизни, начиная отъ зачатія до смерти и въ каждомъ особомъ моментѣ его дѣятельности, служащей въ удовлетворенію его потребностей, находились, какъ мы сказали, въ Индигитаментахъ и вмѣстѣ съ достообла- нными молитвами на разные случаи и къ разнымъ божествамъ состав- ляли содержаніе этого рода книгъ понтификовъ. Перечислять сохра- нившіяся имена боговъ Индигитаментовъ я не стану, такъ какъ вы съ большимъ удобствомъ можете познакомиться съ ними въ извѣстной вамъ моей книгѣ. При этомъ считаю лишь нужнымъ замѣтить, что вопросъ объ Индигитаментахъ разработанъ гораздо раньше появленія моей книги извѣстнымъ нѣмецкимъ ученымъ по части римской религіи *Амброшемъ* въ его статьѣ «О религіозныхъ книгахъ Римлянъ» (Ueber die Religions- bücher der Römer, Bonn, 1843). Работой Амброша воспользовались за тѣмъ *Преллеръ* и *Марквардтъ*, — первый въ своей «Римской Миео- логіи», второй въ «Руководствѣ къ Римскимъ древностямъ» (т. IV), которое онъ продолжаетъ по смерти *Беккера*. Говоря объ Индигита- ментахъ въ своей книгѣ, я имѣлъ подъ руками не только Амброша,

но и этихъ двухъ ученыхъ, кое-что прибавилъ къ ихъ изысканіямъ на основаніи отцовъ церкви, но въ сущности очень мало отступилъ отъ Амброза ¹⁾. Имена боговъ Индигитаментовъ, приведенныя какъ мной, такъ и другими учеными, не всѣ принадлежатъ къ первоначальнымъ Индигитаментамъ. По словамъ отцовъ церкви, основаннымъ, конечно, на преданіи римской религіи, эти первоначальные Индигитаменты составлены были Нумой и въ нихъ не было греческихъ боговъ, введенныхъ въ римскій культъ уже впослѣдствіи. Такъ *Арнобій* прямо говорить, что въ Индигитаментахъ Нумы не было имени Аполлона (*Adv. gent.* II, 73). Между тѣмъ *Макробій*, имѣя въ виду позднѣйшую редакцію Индигитаментовъ, указываетъ даже и самый способъ обращенія къ Аполлону (см. выше). Это говоритъ очевиднымъ образомъ въ пользу позднѣйшаго разширенія Индигитаментовъ, нисколько не подрывая древнѣйшаго происхожденія первоначальныхъ Индигитаментовъ, восходящихъ во всякомъ случаѣ къ эпохѣ, предшествующей царствованію въ Римѣ Тарквиніевъ, при которыхъ греческіе боги стали внѣдряться въ римскій культъ. Низкая степень религіознаго міросозерцанія, представляемаго богами Индигитаментовъ и необыкновенная древность именъ нѣкоторыхъ божествъ, какъ *Hostilina*, *Rumina*, *Pales*, которыя могли образоваться лишь въ отдаленнѣйшій періодъ латинскаго языка, какъ нельзя болѣе подтверждаютъ древнѣйшее происхожденіе Индигитаментовъ.

Прежде чѣмъ закончить нашу рѣчь о письменности понтификовъ, получившей начало еще въ царскій періодъ, я долженъ указать вамъ еще на одну статью, къ которой понтифики, по всѣмъ соображеніямъ, должны были прилагать искусство письма съ самаго древнѣйшаго времени, именно на веденіе ими календаря. Правильное веденіе календаря въ Римѣ должно было неизбѣжно начаться съ той отдаленной поры, какъ римская религія получила правильную организацію. Извѣстно, что римская религія, въ самомъ основаніи своемъ зараженная формализмомъ, строго требовала, чтобы народъ неуклонно соблюдалъ обряды, установленные ею для извѣстныхъ дней, чтобы всѣ священныя дни были достоительно почитаемы и чтобы не производились мірскія работы въ дни, освященные религіей. Распределеніе разнаго рода праздни-

¹⁾ Это было причиною, почему я трактать объ Индигитаментахъ выпустилъ въ нѣмецкомъ изданіи своей книги. Причину эту я и указалъ въ предисловіи къ этому послѣднему.

ныхъ и священныхъ дней, которыхъ у Римлянъ было такъ много, не могло обходиться безъ правильнаго т. е. письменнаго веденія календаря, который былъ въ Римѣ и въ позднѣйшее время тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ религіей и потому лежалъ на попеченіи понтификовъ. Римскіе писатели представляютъ намъ множество свидѣтельствъ, какъ понтифики злоупотребляли календаремъ въ интересахъ аристократической партіи, относя по произволу dies fasti и nefasti (дни судебные и не судебные) на тѣ числа, какія были выгодны ихъ партіи. Но не въ томъ дѣло. Извѣстенъ древній обычай, засвидѣтельствованный не только какимъ-нибудь Макробіемъ (Sat. 1, 15, 12), но и самимъ Варрономъ (de L. L. VI, 28), обычай, по которому во дни Нонъ (т. е. 5 или 7-го числа, смотря по мѣсяцу) cadaго мѣсяца стекался изъ деревень въ Римъ народъ выслушивать отъ жертвеннаго царя (rex sacrorum, rex sacrificulus) въ періодъ республики, слѣдовательно отъ царя гражданскаго въ періодъ царей (на республиканскомъ жертвенномъ царѣ лежали, какъ извѣстно, лишь священныя обязанности, въ царскій періодъ исполнявшіяся царемъ гражданскимъ), въ какіе дни мѣсяца чтѣ слѣдуетъ дѣлать. Эта выключка значенія дней cadaго мѣсяца не могла производиться безъ росписанія (kalendarium), впередъ заготовленнаго понтификами, на обязанности которыхъ лежало веденіе календаря. Безъ заготовленнаго росписанія были неизбежны постоянныя и грубыя ошибки, чего не могла допустить такая строгая и формалистическая религія, какъ римская. Чѣмъ больше развивалась религія, тѣмъ необходимѣе было веденіе письменнаго календаря, въ особенности онъ былъ неизбеженъ со времени Тарквиніевъ, когда введеніе въ Римъ новыхъ божествъ естественно требовало и измѣненія въ церковномъ отношеніи самаго календаря, долженствовавшаго удовлетворить тѣмъ требованіямъ, какія естественно предъявляли новые члены римскаго Олимпа. Независимо отъ этого, невозможно допустить, чтобы астрономическія вычисленія, производившіяся понтификами для регулированія календаря, могли обходиться безъ письма, когда учрежденіе вставочныхъ мѣсяцевъ, относящееся, по свидѣтельству Юнія Гракхана (Maor. Saturn. I, 13, 20), ко времени Сервія Туллія, само по себѣ свидѣтельствуешь, что эти астрономическія вычисленія не могли дѣлаться кое-какъ, а имѣли серьезный характеръ.

Кромѣ книгъ, принадлежащихъ коллегіи понтификовъ, велись книги и въ другихъ духовныхъ коллегіяхъ. Такъ древнимъ писателямъ хорошо

были извѣстны *книги* и *комментаріи авгуровъ* (*libri augurales, commentarii augurales*). Отношеніе между книгами и комментаріями авгуровъ, надо полагать, было такое же, какое было между книгами и комментаріями понтификовъ, т. е. и *libri* авгуровъ заключали въ себѣ, какъ и *libri* понтификовъ, всю обрядовую и, если такъ можно выразиться, догматическую часть ихъ ученія, а въ *комментаріяхъ* излагались результаты совѣщаній авгуровъ, какъ коллегіи и постановленія этой послѣдней относительно отдѣльных случаевъ. Часть авгурскихъ книгъ, конечно та самая, которая заключала въ себѣ тайну ихъ науки, не была доступна никому другому, кромѣ членовъ самой коллегіи, и книги этого рода назывались *потайными* (*reconditi*). Происхожденіе книгъ авгуровъ, какъ и ученія ихъ, относится къ древнѣйшему времени. Авгуры являются въ Римѣ съ началомъ римскаго государства, а ихъ дѣятельность была связана со всѣми, сколько-нибудь важными, дѣлами государства. Понятно, что наука такой важной для римскаго государства мудрости, какъ мудрость авгуровъ, не могла долго оставаться безъ письма, когда это послѣднее нашло себѣ уже широкое примѣненіе въ дѣлахъ коллегіи понтификовъ.

Сверхъ поименованныхъ духовныхъ книгъ упоминаются римскими писателями книги одной изъ самыхъ древнихъ коллегій, коллегіи *Скапуновъ*, Саліевъ, начало которой нельзя не отнести къ древнѣйшему времени уже по языку оставшихся отъ гимновъ ихъ отрывковъ. Языкъ этотъ таковъ, что его не понимали хорошо впослѣдствіи и сами Саліи; и если гимны ихъ сохранялись въ своемъ первоначальномъ видѣ до позднѣйшаго времени, то это могло произойти не иначе, какъ потому, что гимны эти были записаны въ такое время, когда языкъ ихъ былъ еще языкомъ современной письменности. Къ такой же глубокой древности относятся по своему происхожденію и богослужебныя книги Братьевъ Арвальскихъ, т. е. Братьевъ земледѣлія. Огромное число протоколовъ засѣданій этого общества дошло до насъ отъ позднѣйшаго времени, именно отъ времени имперіи; но начало ихъ богослужебныхъ книгъ, судя по необыкновенно древнему гимну, дошедшему до насъ цѣликомъ, принадлежитъ такому отдаленному времени, какое только можетъ представить намъ римская исторія.